

неделя, 1985, 12 апр., № 15.

Он испытал и запечатлел огромное множество оттенков чувства жизни: от пасторальных идиллий до горестных стенований и трагического эпоса. Но всегда сохранял эту поразительную особенность «видеть мир особыми глазами, как будто только что родился». Отсюда и многие качества его картин — их глубочайшая искренность, чистота чувств, сказочный строй фантазии.

Юность художника, родившегося в бедной еврейской семье, была трудной, признание пришло далеко не сразу. Но потом как-то вдруг — поистине судьба человека бывает похожа на него самого, на его характер и психологию — он яростным вихрем ворвался (или лучше вновь сказать — влетел!) в искусство России, а затем Европы и всего мира.

Это произошло с какой-то странной быстротой и легкостью, будто чудом или во сне. Как в том счастливом полете влюбленной четы, который можно видеть в картине Третьяковской галереи «Над городом». Или в парящем движении знаменитого «Путешественника» 1917 года, который, словно обретая невесомость, раскинув руки и ноги, как две пары кры-

Знакомство с шагаловскими произведениями этих лет убеждает, что они, при всей своей острой условности, обладают строгой и последовательной логикой, которая близка к фольклору. Всякий раз у него встречается сочетание «рассказов» одного или нескольких героев действия. Например, в «Зеленом скрипаче» 1912 года основной персонаж — музыкант. А вокруг него изображено все, о чем он думает и мечтает, с чем связаны образы его музыки, — родная улица, близкие люди, милые сердцу пейзажи. Такой вращательный ход напоминает движение поэ-

логично проступает из самых глубин шагаловских работ десятых годов. А в их конце романтичность становится преобладающей интонацией. Именно тогда появляются его прекрасные «праздники любви» — «Голубые любовники», «Зеленые любовники», «Двойной портрет с бокалом вина» и другие сходные по настроению картины. Это счастливые сны, полные радужной мечтательности, очарованности. Другим новым оттенком работ Шагала в те годы был мотив полета. Как уже говорилось, персонажи его полотен часто не знают силы земного тяготения,

Поэтому выглядит естественным объединение всего со всем, допустимые перестановки обычных житейских слагаемых. Смешиваться могут (у Шагала) не только живые существа и предметы, но и понятия, времена, территории. В «Автопортрете» 1947 года лик художника в юности (это воспоминание, которое, как что-то живое, входит в реальность) выступает из туловища лошади (которая тут служит символом природной естественности и непосредственности); из футляра качающихся часов вырастают руки — они как бы схватывают и подчиняют себе время. В «Красной лошади» вся жизнь уподоблена радостному, энергичному круговороту. Еще чаще она выступает у Шагала в образе красного волшебства, вечного и всегда неожиданного праздника жизни («Волшебник», «Птица-солнце» и другие). Как убежденно и несокрушимо противостоит эта светлая, торжествующая человечность всем антигуманистическим концепциям в искусстве нашего столетия!

Как бы ни менялся художник, как бы ни ширилась его всемирная слава, создаваемые им работы неизменно имели сво-

Цирковая наездница. 1931 г.

Этот лирический автопортрет Марк Шагал сделал в номере московской гостиницы «Россия» в 1973 г. Публикуется впервые.

Зеленый скрипач. 1917—1918 гг.

Мифологический мотив. 40-е г.

Прогулка. 1917 г. Государственный Русский музей.

Автопортрет. 1914 г.

«Я НИКОГДА

НЕ ЗАБУДУ...»

ПАРИЖ, 29 марта. (ТАСС). На 98-м году жизни в местечке Сен-Поль-де-Ванс на юге Франции скончался широко известный живописец и график Марк Шагал.

Персонажи произведений Марка Шагала очень часто летают. Во сне и видениях, в пленительных окрыляющих душу мечтах и словно гонимые стремлением избавиться от мучительных, тягостных наваждений. Они плывут в небесах над родным художнику Витебском, который выглядит в его композициях сущим центром мироздания, и над Парижем, показанным столь простодушным и спокойно-приветливым, будто бы это тихий витебский пригород...

Таким удивительным и чудесным полетом представляется ныне и вся жизнь Марка Шагала, одного из великих художников XX века. Он прожил титановский век (1867—1985, почти сто лет!), работал в самом буквальном смысле слова до конца своих дней. Его молодость прошла в России, затем он обосновался во Франции, но оставался верным тому кругу тем и образов, которые сложились у него в юные годы («Париж — ты мой второй Витебск!» — восклицает художник в своей автобиографической книге «Моя жизнь»). Все это, однако, ни в малейшей степени не сделало мастера провинциальным. Его картинами гордятся крупнейшие музеи мира, в том числе Третьяковская галерея и Русский музей, его витражи украшают здание ООН, соборы в Метце и Реймсе; написанные им музы, кентавры, танцующие дома и башни, нагие богини, кудесники кружатся в сказочно прекрасном хороводе на потолке парижской Гранд-опера, а сладостные в своем чистом и нежном звучании «Источники музыки» сделали выдающимся памятником искусства стены нью-йоркской «Метрополитен-опера». И всюду, так или иначе, в тех или иных вариациях, возникают российские образы, виды Витебска, фантазии на темы впечатлений юности...

Мне вспоминается сейчас пятое июня 1973 года, когда состоялся вернисаж выставки Марка Захаровича Шагала в Третьяковской галерее. Просто не верилось: неужто этот элегантный и темперамент-

ный человек, который в резком и порывистом темпе шел по залам галерей, не обращая никакого внимания на адскую жару и нервное, раздражающее жужжание толпы, и есть сам Шагал, которому через месяц исполнялось 86 лет! Но это именно был он, молодой, взволнованный, растроганный. Длительные церемонии, к счастью, не были предусмотрены, однако сам художник произнес маленькую речь, очень искреннюю и сердечную, в чем-то неожиданную и удивительную, словом, совершенно «шагаловскую». Я списал ее со странничек, испещренных крупным, загогулистым почерком. Через несколько дней, встретившись с Шагалом, я попросил его подписать перепечатанный текст. Вот он, с небольшими сокращениями:

«Я сердечно благодарен вам за приглашение сюда, на мою Родину, после 50 лет разлуки. Я благодарю за то, что вы выставляете в Третьяковской галерее некоторые мои работы.

Вы не видите на моих глазах слез, ибо, как ни странно, я вдали душевно жил с моей Родиной и Родиной моих предков... Как дерево с Родиной, выращенное с корнями, я как бы висел в воздухе. Но все же жил и рос.

В конце концов это вечная проблема. Краски или химия, как я часто говорю. Художники Европы и Америки, кроме далекой Азии и Африки, влеклись то в Рим, то — позже — в Париж. Когда я был мальчиком, в моей душе, быть может, была некая краска, которая мечтала о какой-то синеве. И мой инстинкт влек меня туда, где как бы шлифовалась эта краска. Так же, как русские художники Брюллов или Иванов когда-то ехали в Рим, как некоторые молодые поэты ехали в Париж. Я не буду распространяться сейчас обо всех этих тонких проблемах. Можно обо мне сказать все, что угодно — большой я или небольшой художник, но я остался верным своим родителям из Витебска...

Я хочу каждому из вас сегодня позавидовать. Я люблю говорить о любви, ибо я без ума от известной призрачной красной, которая видна в глазах людей или в картинах. И надо только видеть мир особыми глазами, как будто только что родился.

Марк ШАГАЛ».

В этой речи покореет любовь к родным краям, логика поэзии, исповедь откровенного и доверчивого сердца. Шагал всегда был таким — с «младых ногтей» и до глубоких седин. За восемьдесят лет работы в его искусстве менялось многое: темы, приемы, жанры, приверженность к определенным направлениям и стилям.

Оригинал хранится у автора статьи. Публикуется впервые.

льев, плывет в густой синеве небес над своим тихим и скромным городком и над всем миром.

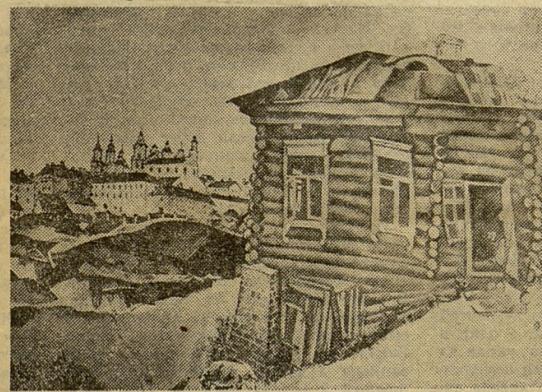
Любопытно, что мотив этой картины Шагал использовал для панно, украшавшего Витебск в дни первой годовщины Октябрьской революции. Свобода и ничем не сдерживаемый полет были для художника синонимами. Впрочем, символика, гипербола, метафора сплошь и рядом встречаются в картинах мастера. Его работы российского периода показывают смелый, встревоженный, полный напряженного ожидания мир, где воображаемое, предчувствуемое и действительное, обгоняя друг друга, смешиваются так, что все кажется неустоявшимся, странным, а то и призрачным в своей особой ситуации преображения мира.

В Гос. архиве Витебской области хранится документ 1918 года «о назначении художника Марка Шагала уполномоченным коллегии по делам искусств Витебской губернии»: «Художник Марк Шагал назначается уполномоченным означенной Коллегии по делам искусств в Витебской губернии. Всем репюблицонным властям Витебской губернии предлагается оказывать тов. Шагалу полное содействие».

ротног круга карусели или сцены; вместе с тем в нем есть характерный для сказки отсчет от героя. Воспоминания и ассоциации предстают на подмостках памяти (или, преобразаясь, в ситуациях фантастического свойства) неспешно, без последовательного сюжетного сцепления, причем соотношение кадров и деталей определяется исключительно их психологическим значением в ходе рассказа.

И в этой, и во многих других близких по времени картинах, вроде «Я моя деревня», «Солдат пьет», «Автопортрет с семью пальцами», «Кубистический натюрморт», «Беременная» и иных, масса увлеченной игры, веселья, острых парадоксов. В определенных аспектах они близки и лубкам, и вывескам, и бесчисленным изделиям, связанным со стихией русского многонационального фольклора. Тут те же свободные, зорчатые комбинации красочных сочетаний, та же многоцветность, почти неизменная перпопланность основного изображения.

Вместе с тем многим ранним произведениям Шагала свойствен острый драматизм. Он ошутим и в общем взбудораженно-напряженным настроением полотен, и в резких перепадах, контрастах, конфликтах цвета и ритма. Но и сквозь эти яркие диссонансы, сдвиги, горестные всхлипывания настойчиво и неотвратно пробивается такое чувство жизни, которое решительно перебивает все эти скорбные стенования, эти землетрясения взорванных форм и психодрамы переживаний. Чувство дивной и всепоглощающей жизненной энергии, исходной красоты мира неожиданно и даже не вполне

Голубой домик в Витебске. 1917 г.

летают по воздуху, причем с такой естественностью, что у зрителя просто не возникает мысли о невероятности изображенного («Прогулка», «Явление» и другие). Во всех этих работах уже нет оттенка душевной потрясенности. Тут изображено своего рода покорение мира, светлое и радостное приобщение к нему.

Всю эту своеобразную поэтическую космогонию и связанный с ней оригинальный художественный строй живописец сохранил с известными изменениями в своем искусстве всех последующих десятилетий. Поселившись во Франции, Шагал не только ее, но и все страны, всю планету приближает к себе и — в духе народно-праздничной фантазии — воспринимает как свой дом, приватный и душевный. Художник мгновенно обживает Париж; этот «мировой город» для него не утомительный в вечной суете Вавилон, но райская обитель, где цветут красочные луга и ангелы с цветами в руках поздравляют влюбленных («Повенчанные Эйфелевой башней»), а сама Эйфелева башня превращается в милую игрушку, которая беседует с горластым петухом, возглашающим наступление утра («Здравствуй, Париж»).

Начиная с 20—30-х годов вся эта сложившаяся в молодости мастера метафорическая система обретает завершенность. В ее рамках мир представляет собой единое одухотворенное целое, где нет деления на живую и мертвую природу, где все надделено разумом и сердеч-

им истоком ту духовную атмосферу, которая сложилась в России конца XIX — начала XX веков и которая взлелеяла Шагала, взрастила его несравненное дарование. Примечательно, что в своих письмах он без конца вспоминает о родине. Приведу несколько отрывков из его писем к автору этих строк.

«Я был счастлив быть у себя на родине — видеть так много хороших людей, и пейзажи меня очаровали. Как жалко, что я не мог тогда же на месте их рисовать!» (11.7.1973, после поездки в Москву); «Я никогда не забуду мое пребывание в Москве. Как будто я никогда оттуда не уезжал» (10.1.1974). «Я всегда думаю о Вас о родине и это отражается в моих работах» (12.9.83); «Да, я всегда вспоминаю мой город (т. е. Витебск — А.К.) и он почти на всех моих картинах» (12.11.80) и т. д.

Художник из Витебска Марк Шагал прожил огромную и сложную жизнь. Он немало мучился и метался, но близость к народно-гуманистической философии бытия, обретенная им за годы жизни в России, навсегда осталась для него как бы исповеданием веры. Она дала силу и летучесть его воображению. Она берегла любовь художника к земле, где впервые восторженным юношеским взором он увидел мир как дивный праздник, который веселел до последнего дыхания.

Творчество Марка Шагала принадлежит всему миру. Но оно порождено культурой, духовной жизнью России, и мы вправе гордиться этим.

Александр КАМЕНСКИЙ